

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Научная статья / Research Article

УДК 902:314.7

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(3\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(3).-01)

EDN: RLPZNI

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АРХЕОЛОГИИ XX — НАЧАЛА XXI В.

Людмила Николаевна Мыльникова^{1*}, Иван Николаевич Латышев²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;
l.mylnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0195-5165>

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;
latishew.ivan@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-3623-9383>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В работе рассмотрена динамика миграционной объяснительной модели с момента возникновения миграционизма и до наших дней. Авторы не стремятся решить все вопросы, связанные с миграциями. Цель работы — охарактеризовать отношение исследователей к миграционным процессам, и в частности миграциям, продемонстрировать имеющиеся сегодня подходы, типы и возможные их последствия. Приводятся основные идеи, повлиявшие на исследования миграционных процессов, затрагиваются проблемы терминологии и возможные пути их решения. Демонстрируется эволюция понимания миграций как феномена. Для зарубежной археологии выделены следующие периоды: 1) 1900–1950-е гг. — зарождение миграционной теории и подъем ее популярности; 2) 1960–1990-е гг. — постепенный отказ от миграций; 3) с 1990-х гг. по наши дни — возвращение к миграциям ввиду возросшей доказательной базы. Для отечественной археологии выделены два периода: 1) 1940-е — 1-я половина 1960-х гг. — включение в дискуссию о миграционизме; 2) 2-я половина 1960-х — наши дни — появление разработок в рамках комплексного подхода и плавный переход к междисциплинарному подходу. Содержательная часть всех перечисленных периодов имеет привязку к существующим и возникающим течениям в археологии, будь то эволюционизм или постпроцессуализм. Позднее включение и плавность сменяемых этапов в отечественной науке, по-видимому, связаны как с идейной составляющей работ XX в., так и со стремлением разрешить возникающие проблемы исключи-

тельно на археологическом материале. Для унификации исследований предлагается использовать при классификации миграций разработки К. Геймбла и М. Ф. Косарева, а при типологии — деление, предложенное Л. С. Клейном. Приводятся основные последствия миграций (движение комплексов культурных признаков, изменение антропологического и генетического состава). Оценка современного состояния миграционной объяснительной модели отмечает способность ее уверенно заявлять о проходивших миграционных процессах. Возросший уровень доказательной базы связан не только с накоплением археологического материала, но и с устоявшимися подходами, в рамках которых сочетаются различные дисциплины, позволяющие взглянуть на изучаемые комплексы под разным углом.

Ключевые слова: миграция, автохтонизм, подход этнических показателей, комплексный подход, междисциплинарный подход

Благодарности: исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого».

Для цитирования: Мыльникова Л. Н., Латышев И. Н. Подходы к изучению миграций в археологии XX — начала XXI в. // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 3. С. 9–25. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(3\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(3).-01)

APPROACHES TO THE STUDY OF MIGRATION PROCESSES IN ARCHAEOLOGY OF THE 20TH — EARLY 21TH CENTURY

Ludmila N. Mylnikova^{1*}, *Ivan N. Latyshev*²

¹*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; l.mylnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0195-5165>*

²*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; latishew.ivan@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-3623-9383>*

*Corresponding Author

Abstract. The paper examines the dynamics of the migration explanatory model development from the emergence of migration to the present day. The authors do not seek to resolve all issues related to migrationism. The purpose of the paper is to characterize the attitude of researchers to migration processes and, in particular, migrations, to demonstrate the approaches, types and possible consequences of them that exist today. The paper presents the main ideas that influenced the study of migration processes, addresses the problems of terminology and possible solutions. It demonstrates the evolution of understanding migration as a phenomenon. Thus, for foreign archaeology, the following periods can be distinguished. The first, 1900s-1950s — the emergence of migrationism theory and the rise of its popularity. The second, 1960s-1990s, a gradual rejection of migrationism. The third, 1990s and to the present day, a return to migration, due to the increased evidence base. For domestic archaeology, two periods are distinguished. The first, 1940s — first half of the 1960s — inclusion in the discussion of migration. The second, second half of the 1960s and up to the present day — the emergence of developments within the framework of an integrated approach and a smooth transition to an interdisciplinary approach. The substantive part of all the listed periods is tied to existing and emerging trends in archaeology, be it evolutionism or postprocessualism. The later inclusion and smoothness of the successive stages in domestic science is apparently associated with both the ideological component of the works of the 20th century and the desire to resolve emerging problems exclusively on archaeological material. For the unification of research, it is proposed to use the developments of K. Gyml and M. F. Kosarev in the classification of migrations, and the division proposed by L. S. Klein

in the typology. The main consequences of migrations are given (movement of complexes of cultural features, change in anthropological and genetic composition). The article summarizes the current state of the migration explanatory model, which is capable of confidently stating the migration processes that have taken place. The increased level of evidence is associated not only with the accumulation of archaeological material, but also with established approaches that combine various disciplines, allowing one to look at the complexes being studied from different angles.

Keywords: migration, autochthonism, ethnic indicators approach, integrated approach, interdisciplinary approach

Acknowledgments: the study was carried out under the research project of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences No. FWZG-2025-0001 “Siberia and Adjacent Territories: Study and Reconstruction of the Historical and Cultural Past”.

For citation: Mylnikova L. N., Latyshev I. N. Approaches to the Study of Migration Processes in Archaeology of the 20th — Early 21st Century. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(3):9–25. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(3\).-01](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(3).-01)

Введение
С конца XVIII в. древние общества рассматривались в эволюционном ключе, что подразумевало стадияльное развитие. Культуры в этой перспективе предстают в виде колонных секвенций, где традиции трансформировались в ходе совершенствования форм орудий, искусства, верований и т. п. (Клейн, 1973). Отличия культур при таком подходе объяснялись разницей уровней их развития. К началу XX в. эволюционная теория накопила массу проблем, связанных в первую очередь с разрывами в рядах секвенций и распространением культуры. Острая необходимость в новых объяснительных моделях привела к появлению целого ряда направлений, рассматривающих развитие древних обществ не только эволюционно, но и с учетом вероятных миграционных процессов. Использование последних для объяснения преобразований в древних обществах с этого момента становится одним из наиболее привлекательных и в то же время наиболее дискуссионных вопросов.

Обратим внимание на различия зарубежной и отечественной истории развития миграционной объяснительной модели. Ключевой фактор всех отличий заключается в преобладании той или иной идейной составляющей, поэтому возникает необходимость сопоставить и выявить динамику в истории изучения миграционных процессов в зарубежной и отечественной археологии.

Миграционная объяснительная модель и отношение к ней претерпевали изменения, рассмотрение которых необходимо для понимания современных возможностей исследования этого вопроса. На данный момент в изучении рассматриваемой объяснительной модели существует масса проблем, связанных с определением критериев ее выявления, причин, последствий и многого другого. Одной из наиболее значимых является проблема терминологии. В этой связи имеет смысл заранее обозначить ключевые для нашей работы термины. Начнем с наиболее фундаментального: миграционные процессы — это сложные явления, включающие миграцию, ее причины и последствия. Этот термин позволяет рассматривать множество феноменов, сопровождающих движение человеческих коллективов, будь то вопросы демографии региона, колонизация

и т.п. В то же время миграция — это движение этнофоров, направленное на приобретение новой родины, прослеживаемое по движению комплексов культурных признаков, изменению антропологического и генетического состава. Под этнофором, в свою очередь, подразумевается носитель определенной традиции.

Наша статья не решает всех вопросов, связанных с затрагиваемой проблемой. Цель работы — охарактеризовать отношение исследователей к миграционным процессам, и в частности к миграциям, продемонстрировать имеющиеся на сегодня подходы, типы и возможные последствия миграций.

Об истории изучения миграционных процессов

Начало XX в. знаменуется формированием новых течений в зарубежной археологии. Так возникает миграционизм, рассматривающий культуру как определенный народ со своими идеями. Распространение последних в такой перспективе становится невозможным без носителя этой идеи. Исходя из такого понимания, исследователи вводят принцип *pars pro toto* — часть вместо целого (Kossinna, 1905; Jackson, 1917). Этот принцип позволил исследователям выявлять миграции по движению отдельных типов вещей. Отсюда — складывание подхода «этнических показателей», основанного на возможности выявить и изучить миграцию по конкретным элементам, связанным с этносом носителей традиций. Спорным стал вопрос о том, какой элемент должен стать таким показателем. Этот вопрос поистине взбудоражил науку. Одни предлагали в качестве такого признака использовать все имеющиеся в конкретной культуре типы вещей как устойчивые этнографические признаки (Kossinna, 1905; Jackson, 1917). Другие акцентировали внимание на керамике — орнаментации или технике изготовления (Кеное, 1959) и стилях наскального изображения (Cooke, 1965).

В процессе постепенного отказа от стадильной объяснительной модели в 1940-е гг. отечественные археологи быстро вклинились в дискуссию о применимости миграционной объяснительной модели. Так, исследователи в качестве показателя миграции указывали на погребения (Артамонов, 1947, с. 68–82); керамику — ее орнаментацию или технику изготовления (Фосс, 1952); устройство жилищ (Сальников, 1954); типологию кремневой индустрии (Формозов, 1957).

Опора на отдельные элементы культуры как на критерии миграции обусловила ее понимание как универсальную форму существования народов. Миграции воспринимались исследователями как закономерные явления. Археология при таком подходе была весьма идеологизированной (Härke, 1998). Стремление проследить миграцию через этнические показатели неизбежно приводило зарубежных авторов, преимущественно принадлежавших к немецкой школе, к поспешным этническим интерпретациям, выводам о доминировании конкретной нации и формировании идеи о необходимости расширения жизненного пространства, особенно это видно в работах Г. Коссинны и его учеников. Такой подход вызвал волну критики в связи с ложностью и неточностью критериев для выявления миграции. Ложность заключалась в определении всех межколонных трассовых секвенций как миграций, что отметало проникновение идей в ходе контактов на стыке ареалов. Позднее включение отечественных исследователей в обсуждение миграционных процессов, по-видимому, было связано с идеологи-

ческой составляющей того времени. Марксисты видели в миграционизме связь с шовинизмом и империалистической агрессией (Клейн, 1999). И все же игнорирование явления оказалось невозможным. Так, возникает стремление описать миграции как явление, зарождающееся на определенном уровне развития общества.

Как ни странно, синхронно миграционизму возникает прямо противоположное течение — трансмиссионизм, гласящий, что преобразования в культуре происходят посредством влияния или заимствования. Как позже будет сказано, «у идей есть крылья» (Wheeler, 1952). Главная идея данного направления и подхода в том, что типы и формы вещей не имеют привязки к определенному населению, а их распространение в пространстве связано с движением идей. Миграция при таком подходе полностью отрицалась.

Склонность исследователей к тому или иному течению в рамках диффузионизма привела к обострению проблем, их решение некоторые авторы видели в синкретичности исследований — когда учитываются все возможные объяснительные модели в рамках существующего научного направления (Wilfred, Smith, 1929; Wheeler, 1952). Несмотря на попытку решения проблемы крайностей течений, миграционная объяснительная модель начала переживать серьезный кризис в зарубежной археологии. Аргументом против их изучения стала неспособность разработанного подхода проследить миграции, зафиксированные в исторических источниках (Cook, 1960; Palmer, 1961; Mellaart, 1966; Eggers, 1959). Волна критики во многом связана со складыванием процессуальной археологии и стремлением объяснить диффузии за счет системных преобразований и природного фактора — неозоволюционизма (Clarke, 1968). Кроме того, столь резкий отказ от объяснительной модели у европейских исследователей, по-видимому, был вызван политическими причинами послевоенного времени (Härke, 1998).

Как уже отмечалось выше, исследования немецкой школы зачастую имели непосредственное отношение к нацистской идеологии. Это впоследствии привело к «отходу от миграционизма» в зарубежной археологии (Adams, Van Gerven, Levy, 1978). В то же время в СССР сложилась благоприятная политическая обстановка для ведения исследований в рамках миграционной объяснительной модели. В неменьшей степени, на наш взгляд, объяснение видится в стремлении отечественных исследователей опровергнуть «европоцентризм», утверждающий о европейском первоочаге всех миграций.

В ответ на кризис в миграционизме утверждается комплексный подход. Целью такого подхода становится увеличение доказательной базы наличия миграций. Миграция в таком случае выявляется при перемещении всего комплекса на новую территорию (Willey, 1953). Этот процесс в сути своей отражает переход к пониманию проблемы как сложного социально-экономического процесса, а изменения традиций — как динамичного явления (Мерперт, 1978, с. 9). Свое отражение данный подход нашел в отечественных исследованиях. Так, изучая культуру боевых топоров, исследователи учитывали не только ее отдельные элементы, но и ареал — его изменение во времени (Брюсов, Зимина, 1966). В. Ф. Генинг (1970, с. 103–105) при изучении обществ Урала в средневековье на основе погребального обряда, керамики и специфического набора украшений выявляет «этническое ядро» и пришлый компонент. Особого внимания заслуживает разработка в рамках данного подхода Л. С. Клейна (1973). Обсуждаемые автором «трассовые секвенции» обусловили необходимость рассмотрения миграции в исследуемых комплексах. Более глу-

бинное изучение материала привело к видению изучаемых процессов как системы событий. По Л. С. Клейну, критерии данного феномена — вопрос неразрешимый. Для одних их всегда будет недостаточно, для других — слишком много, из-за чего мы упускаем явления. По-видимому, количество критериев могло варьироваться в зависимости от изучаемой эпохи и особенности материала. Такое положение ставит вопрос о возможности выявления миграционных процессов, в частности, миграций. И все же Л. С. Клейн (1973) приводит минимальные критерии для выявления миграций. Первый — критерий внешнего источника: проявление элементов культуры, чуждой для изучаемой территории. Второй — комплексный: перенос на новую территорию комплекса всех форм инвентаря, учитывая уже трансформированные элементы. Третий — критерий неподготовленности: отсутствие предпосылок и внезапность трансформации культуры. Четвертый — критерий стыка: территория, на которую совершена миграция, должна быть связана с родиной мигрантов близостью ареала или цепочкой памятников.

Выделенные исследователем элементы достаточно явно маркируют миграционные процессы. Однако из-за специфики археологического материала и накопленных данных мы можем не видеть проявления всех перечисленных критериев или, как отмечают Л. С. Клейн и другие исследователи, видеть больше, чем предложено. В дальнейших исследованиях миграций идеи, заложенные комплексным подходом, будут сохраняться (Nachmann, 1970; Мерперт, 1978; Dehn, 1979; Neustupny, 1981; Могильников, 1981).

В целом можно сказать, что археологи данного времени стремились разработать сравнительные, географические модели миграций для изучения закономерностей (Клейн, 1973; Rouse, 1986). Важнейшее преобразование в изучении миграционных процессов связано с зарождением тенденции на внедрение методов из других дисциплин.

Начиная с 1990-х гг. интерес к миграциям вновь усиливается как в отечественной, так и в зарубежной археологии. Накопление материала и стремление найти ему объяснение побудили исследователей к активному обсуждению вопросов движения коллективов. Безусловно, критика исследований, посвященных данной теме, не прекращается. Объяснение культурных трансформаций сквозь призму демографии и приравнивание археологических комплексов к этническим группам было агрессивно встречено Джеффри Кларком (Clark, 1994). В действительности критика миграционной объяснительной модели сводилась к обоснованности критериев миграционных процессов.

Вопрос о точности археологических данных при построении миграционных процессов по-прежнему открыт. Однако многолетний опыт изучения археологического материала выявил устойчивые комплексы, новации в которых ярко свидетельствуют не только о факте свершившейся миграции, но и о протекании миграционных процессов в целом. В качестве таких комплексов исследователи приводят погребальный обряд, керамические традиции, технологию металлургического производства, домостроительство (Корочкова, 2011; Dommelen, 2012; Мыльникова, 2019; Кнарр, 2021; Иванов, 2022; Дураков, 2024; Матвеева, Дъёни Г., Зеленков, 2021; Матвеева, Зеленков, Третьяков, 2024; и др.). Отметим, что технологии, связанные с металлургией, при изучении миграций могут строиться на отдельных ее элементах — литейные формы, тигли и т.п. Все эти элементы состоят преимущественно из глины (керамика и техническая керамика), что позволяет изучать их в рамках одних и тех же подходов и приемов. И все

же, как уже было указано, сохраняется проблемный вопрос с расплывчатым пониманием собственно археологической культуры и ее материальной составляющей. Впрочем, обсуждение содержательной части этого термина — отдельный, не менее важный вопрос, который мы в данной работе опускаем.

Альтернативу в изучении миграционных процессов многие видят в междисциплинарном подходе, а именно акценте на антропологию и генетику (Zvelebil, 2000; Корякова, Молодин, 2010; Молодин, 2019; Knapp, 2021). Особенно широко данный подход распространен в зарубежной археологии, где привлечение естественно-научных дисциплин, в силу тех или иных обстоятельств, происходило и происходит быстрее. Однако и такой подход нельзя назвать панацеей в изучении миграционных процессов. Сложности будут возникать в первую очередь при исследовании миграций коллективов в антропологически и/или генетически единой среде. К примеру, при исследовании миграций эпохи бронзы Западной Сибири мы можем столкнуться с тем, что антропологических изменений не произойдет ввиду доминирования южносибирского антропологического типа.

Оба подхода в отдельности имеют свои недостатки, что, впрочем, не является критическим для построения миграционных объяснительных моделей. Тенденции последних лет и вовсе ведут науку к отказу от написания работ в рамках одной концепции. Все имеющиеся разработки научных направлений применяются исследователями по мере необходимости. Это, на наш взгляд, демонстрирует серьезность и выдержанность современных работ в археологической науке. Безусловно, и в наши дни можно встретить идеи давно минувших лет, когда, исходя из движения типов вещей, говорят о миграции. К примеру, такое мы встречаем, когда речь заходит о сейминско-турбинском феномене. И все же они скорее пережитки прошлого.

Вышеизложенное демонстрирует развитие подходов к изучению миграционных процессов в зарубежной и отечественной археологии и влияние на них существующих течений в науке. Так, для зарубежной археологии можно выделить следующие периоды: 1) 1900–1950-е гг. — зарождение миграционной теории и подхода этнических показателей; 2) 1960–1990-е гг. — постепенный отказ от миграционной объяснительной модели ввиду отсутствия уверенных критериев ее доказанности, а также появление первых работ в рамках комплексного подхода как попытки разрешить проблему; 3) 1990-е гг. — наши дни — возвращение к миграциям как объяснительным моделям ввиду появления междисциплинарного подхода и, как следствие, возросшей доказательной базы.

Для отечественной археологии выявлено два этапа: 1940-е — 1-я половина 1960-х гг. — постепенное зарождение миграционной теории и внедрение подхода этнических показателей; 2-я половина 1960-х гг. — наши дни, возникновение комплексного подхода и последующий плавный переход к междисциплинарному подходу.

К вопросу о терминологии

Как было сказано выше, в миграционной объяснительной модели существует терминологическая проблема. Корни ее лежат в самом начале изучения миграционных процессов, когда исследователи не стремились расшифровать понятия. Это не умаляет их заслуг в развитии теории. Такая тенденция скорее объясняется волнообразным интересом к проблеме и поступательным накоплением материала. В целом понятие миграции

вплоть до конца XX в. укладывалось в следующее определение: движение народов, коллективов из условной точки «А» в условную точку «Б». С накоплением материала и внедрением новых методов к началу XXI в. стали появляться попытки отделить миграции от других явлений. Это привело к необходимости дать расшифровку терминов, объясняющих границы исследуемой проблемы. Так с применением антропологических данных миграции начинают трактовать и как изменение антропологических типов — смещение или замещение (Алексеев, 1989, с. 42; Renfrew, Boyle, 2000). Немного отличное, с позиции генетики, определение предложил Марек Звелебил — направленное и крупное перемещение населения в заранее определенный регион и вызывающее внезапную замену генов (Zvelebil, 2000). В отечественном археологическом словаре появляется определение миграций как «перемещения населения на большие расстояния» (Матюшин, 1996). Однако такое определение не отвечало требованиям изучения миграций. Выведение на передний план дистанции как критерия было отброшено, и практически сразу, еще на начальных стадиях изучения проблемы (Клейн, 1973). Позднее в качестве альтернативы возникает понятие, обобщающее многолетние труды: «миграции — это перемещение этнофоров, направленное на приобретение нового места жительства», прослеживаемое по движению комплексов «индикаторов» миграций (культурных признаков) в инородной среде (Тихомиров, 2002). Как можно заметить, все перечисленные термины не в полной мере отражают миграции как явления, а зачастую и вовсе не проводят границы между собственно миграцией и другими видами мобильности.

Проблема миграционных процессов заключается не только в ее понимании, но и в выявлении вероятных ее классов и типов. Классификация миграционных процессов не становилась целью исследований. В отдельных работах мы можем встретить классификации миграций, в сути своей заложенные в работах К. Геймбла и М. Ф. Косарева: миграции, происходившие внутри одной природно-географической зоны; миграции, выходившие за пределы одной природно-географической зоны (Gamble, 1993; Косарев, 1991). Впоследствии с этой классификацией согласился и К. Н. Тихомиров (2002), специально занимающийся данной проблемой.

Нельзя обойти и проблему постоянного приравнивания классов к типам, видам. Первые в иерархии, заложенной еще при становлении эволюционизма, стоят выше. Не менее запутанной ситуацией с делением миграционных процессов, и в частности миграций, делает закладываемая в основу содержательная часть. В археологии выделяется целый ряд миграционных процессов и миграций, отличающихся по наполняющим их событиям. К примеру, Ю. В. Бромлей разделял миграции народов и небольших групп (1973). Такие формы призваны разграничить судьбу мигрирующих народов. Н. Я. Мерперт говорит о трех миграциях, выделение которых происходит по причинам возникновения (1978, с. 9). Эвжен Неуступны предложил два варианта разделения миграции. Первый — включает экспансию заселенности: поступательное расширение ареала и переселение популяции. Второй — подразделяется на экспансию: с полным или частичным уничтожением местного населения, занятие промежутков между ареалами и инфильтрацию — совместное проживание пришельцев и аборигенов (Neustupny, 1981, 1982). Гонзало Руис Запатеро пишет о формах, схожих с теми, что выделяет Н. Я. Мерперт: передвижения небольших групп, ползучая экспансия и разо-

вые выбросы (Zapatero, 1983). В понимании В. С. Титова, как и Ю. В. Бромлея, миграции подразделяются по соотношению субстрата и суперстрата (1982). К. Кристиансен подразделяет миграции на полномасштабные и выборочные (Kristiansen, 1991). М. Звелебил пишет о семи вариантах миграции: 1) *Folk migration* — целенаправленное движение большой группы; 2) *Demic diffusion* — поступательная колонизация региона; 3) *Elite dominance* — внедрение элиты в регион и установление контроля над местным населением; 4) *Infiltration* — проникновение небольших профессиональных групп (бродячие кузнецы, кожевники и т.п.); 5) *Leapfrog colonization* — выборочная колонизация региона малыми группами, образующими поселения-анклавы среди местного населения; 6) *Frontier mobility* — приграничное движение населения на короткие дистанции вдоль ареала между групп с иным хозяйственно-культурным типом; 7) *Contacts* — движение торговых караванов (Zvelebil, 2000, p. 57–59) (по данной типологии имеется работа В. И. Молодина по миграциям андроновских племен, 2019). Нельзя обойти деление миграций, представленное Л. С. Клейном (1999). Им выделены: разовые миграции; переселения фракции народа; военные нашествия или набеги; ползучая экспансия; массовая депортация. Проблема классификации и типологизации совершенно явно отразилась и в обобщающей работе А. Б. Кнаппа (Knapp, 2021).

Как нетрудно заметить, типологии, приводимые исследователями, отличаются не только наполнением, но и определением миграции. Это связано со стремлением авторов отделить миграции от других процессов — торговли, завоеваний, брачных союзов и т.п. Такое разделение, на наш взгляд, необходимо для лучшего понимания информационных возможностей имеющегося археологического материала при построении объяснительных моделей, из этой идеи исходит и разделение понятий «миграционный процесс» и «миграция».

Последствия миграционных процессов

Последствия миграций, приводимые исследователями, многообразны и во многом зависят от материала и подхода к его обработке. Ю. В. Бромлей в качестве результатов миграции видит ассимиляцию одного из компонентов (пришлого или автохтонного) или их взаимоинтеграцию (1973). Позднее те же последствия укажет В. С. Титов (1982). В работе Н. Я. Мерперта следствием миграции указаны расширение или полная смена ареала (1978, с. 9). Однако тут необходимо оговориться, что исследователь рассматривает коллективы ранних технологических эпох (палеолит — энеолит). На эти же последствия миграций указывает Гонзало Руис Запатеро (Zapatero, 1983). Сходная по идейному содержанию миграция у Эвжена Неуступны завершается по трем вариантам: 1) полное или частичное уничтожение автохтонного населения; 2) чересполосное проживание местных и пришлых компонентов; 3) совместное проживание (Neustupny, 1982). Несмотря на деление сценариев событий, по-видимому, второй вариант мог переходить в третий. В концепции М. Звелебила, несмотря на разнообразие форм, ключевым последствием миграции является именно проникновение генов (Zvelebil, 2000). Такой акцент в исследовании обусловлен междисциплинарным подходом и выведением в качестве центрального критерия миграции мтДНК. Более пестрый список последствий представляет Л. С. Клейн: истребление автохтонного населения или его оттеснение, подчинение местных коллективов (пришельцы занимают управляющую верхушку общества), ассимиляция местных жите-

лей (или наоборот), сосуществование пришельцев и аборигенов, абсорбация последних или же их изменение в результате адаптации к новой территории (Клейн, 1999). Такое разнообразие сценариев позволяет исследователям переходить от простого выделения миграционных процессов к их пониманию как социально-экономических и социально-политических явлений, менявших судьбы древних народов.

Заключение

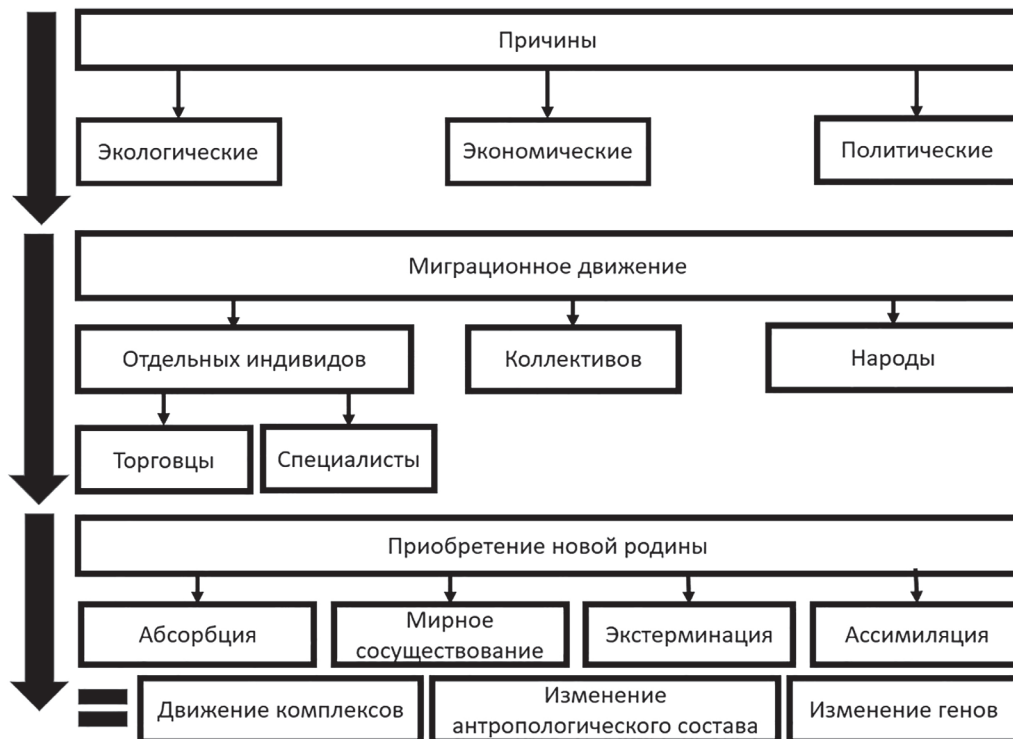
Таким образом, в истории изучения миграционных процессов прослеживается динамика отношения к миграциям, связанная с основными этапами развития археологической науки. С 1-й половины XX в. начинается активное изучение миграций в зарубежной и частично — в отечественной археологии. Этот период характеризуется отходом от автохтонизма, не способного объяснить многие проблемные моменты трансформации культур, особенно в переходные периоды. С середины XX в. у американских и европейских исследователей начинается спад интереса к миграциям ввиду накопления проблем в объяснительных моделях миграции и политического фактора.

Отечественную науку данный кризис в большей степени миновал. Это, по-видимому, объясняется стремлением исследователей следовать марксистской концепции. Становление комплексного подхода и развитие критического отношения к выявлению миграций под давлением процессуальных археологов предопределили становление к 1990-м гг. междисциплинарного подхода. С момента внедрения естественно-научных методов в археологию доказательность миграций, качество и количество получаемых данных перешли на новый уровень. В науке сложился ряд признаков, характеризующих миграционные процессы. Такое положение дел не просто привлекло внимание современных ученых к миграционным объяснительным моделям, но позволило рассматривать их как более сложные, социальные явления, что выразилось в необходимости обособить их от других явлений мобильности.

Разнообразие трактовок основополагающих понятий и неопределенность в типологии вносят некоторую сумбурность в исследования. И если в отношении трактовки миграционного процесса и миграции можно найти компромисс в виде предложенных выше расшифровок, то вопрос классификации и типологии, по-видимому, сохранится дискуссионным как в зарубежной, так и в отечественной археологии. Причина такой тенденции лежит в исследуемом материале и стремлении каждого исследователя создать удобную для работы с ним схему. И все же отметим, что классификация миграций на широтные и меридиональные выглядит весьма привлекательно. Главное удобство такого деления — в универсальности, возможности применения независимо от изучаемой территории и эпохи. В качестве типологии миграций приемлема разработка Л. С. Клейна. Она позволяет в полной мере детализировать происходящие процессы. Значимость разработки подчеркивается и другими авторами. К примеру, в одном из разделов коллективной монографии, посвященной миграционным процессам, А. А. Тишкин (2018) уверенно обосновывает возможность использования теоретических разработок Л. С. Клейна, как наиболее выверенных в научном плане. Не менее привлекательно выглядит деление, предложенное М. Звелебилем (Zvelebil, 2000). Однако, строго говоря, оно затрагивает дале-

ко не только миграции, а в целом вопрос мобильности населения, что в лучшем случае можно соотнести с широким пониманием миграционных процессов.

Современное состояние миграционной объяснительной модели (рис.) позволяет рассматривать широкий спектр последствий миграций, главными из которых в археологии будут новации в комплексах культурных признаков, ведущие к скорому складыванию новой культуры, а сопутствующими — изменение антропологического и генетического состава. Именно эти признаки лежат в основе всех последствий, перечисление которых в полной мере практически невозможно.

Схема миграционных процессов (под миграциями больших коллективов понимается движение носителей археологических культур; миграция малых коллективов, в свою очередь, подразумевает движение отдельной части представителей культур)

Scheme of migration processes (The migration of large groups is understood as the movement of bearers of archaeological cultures, the migration of small groups in turn implies the movement of individual parts of the representatives of the culture)

В таком виде сегодня представлена проблематика миграционных процессов. Работы, выходящие в последние годы, демонстрируют интерес исследователей к разработкам миграционной объяснительной модели.

Комплексный и междисциплинарные подходы, взаимодополняя друг друга, способны стать опорой для изучения миграций и более точного понимания культурогенеза изучаемых регионов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 448 с.
- Артамонов М. И. Вопросы истории скифов в советской науке // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 68–82.
- Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 284 с.
- Брюсов А. Я., Зимина М. П. Каменные сверленные боевые топоры на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 98 с. (Свод археологических источников. Археология СССР. Вып. В4–4).
- Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1970. С. 103–105.
- Дураков И. А. Бронзолитейное производство населения Обь-Иртышской лесостепи в эпоху бронзы — переходного от бронзы к железу времени: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2024. 32 с.
- Иванов В. А. Динамика миграций в Урало-Поволжье в эпоху средневековья и их результаты // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22, № 2. С. 299–309.
- Клейн Л. С. Археологические признаки миграций // IX международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. 14 с.
- Клейн Л. С. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. 1999. № 1. С. 52–71.
- Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртыше: факторы, механизмы, динамика: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 38 с.
- Корякова Л. Н., Молодин В. И. Культурная вариабильность: старая проблема в новое время // III Северный археологический конгресс. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: ИД «ИздатНаукаСервис», 2010. С. 110–141.
- Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 301 с.
- Матвеева Н. П., Дьёни Г., Зеленков А. С. Проблемы изучения происхождения мадьяр (по урало-сибирским материалам раннего средневековья) // Российская археология. 2021. № 2. С. 147–166.
- Матвеева Н. П., Зеленков А. С., Третьяков Е. А. Роль миграций в культурогенезе средневекового населения лесостепи и подтаежной зоны Западной Сибири // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1 (64). С. 39–58.
- Матюшин Г. Н. Археологический словарь. М.: Просвещение, 1996. 304 с.
- Мерперт Н. Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // Советская археология. 1978. № 3. С. 9–29.
- Могильников В. А. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // Вопросы археологии Урала. Вып. 15. Свердловск; Уральский государственный университет, 1981. 156 с.
- Молодин В. И. Миграции и их проявления в эпоху бронзы на юге центральной части Западно-Сибирской равнины. Основные модели // Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2019. С. 27–35.

Мыльникова Л. Н. Керамика как индикатор миграционных процессов // Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2019. С. 128–140.

Сальников К. В. Андроновские поселения Зауралья // Советская археология. 1954. Вып. 19. С. 213–252.

Титов В. С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982. С. 89–146.

Тихомиров К. Н. Миграционные процессы на территории Западной Сибири (эпоха бронзы — Средневековье): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 21 с.

Тишкин А. А. Особенности изучения миграций в археологии // От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 296–307.

Формозов А. А. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? // Советская археология. 1957. Вып. 27. С. 66–74.

Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 280 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 29)

Adams W. Y., Van Gerven D., Levy R. S. The retreat from migrationism // Annual Review of Anthropology. 1978. № 7. Pp. 483–532.

Clark G. Migration as an Explanatory Concept in Paleolithic Archaeology // Journal of Archaeological Method and Theory. 1994. № 1(4). Pp. 305–343.

Clarke D. L. Analytical Archaeology. London: Methuen, 1968. 704 p.

Cook R. M. Archaeological argument: some principle // Antiquity. 1960. Vol. XXXIV. Pp. 81–84.

Cooke C. K. Evidence of human migration from the rock art of Southern Rhodesia // Africa. 1965. № 35 (3). Pp. 263–285.

Dehn W. Einige Überlegungen zum Charakter keltischer Wanderungen // IX Congress International des sciences prehistoriques et protohistoriques. Paris: Société d'anthropologie de Paris, 1979. Pp. 15–20.

Dommelen P. Colonialism and Migration in the Ancient Mediterranean // Annual Review of Anthropology. 2012. Vol. 41. Pp. 393–409.

Eggers H. J. Einführung in die Vorgeschichte. München: R. Piper u. Co., 1959. 318 p.

Gamble C. People on the move: interpretations of regional variation // Cultural transformations and interactions in Eastern Europe. Avebury: Ashgate Publ, 1993. Pp. 37–55.

Hachmann R. Die Goten und Skandinavien. Berlin: De Gruyter, 1970. 579 p.

Härke H. Archaeologists and Migrations (A Problem of Attitude?) // Current Anthropology. 1998. Vol. 39, № 1. Pp. 19–45.

Jackson J. W. Shells as evidence of the migrations of early culture. Manchester: Manchester University Press, 1917. 258 p.

Kehoe A. B. Ceramic Affiliation in the Northwestern Plains // American Antiquity. 1959. Vol. 25, № 2. Pp. 237–246.

Knapp A. B. Migration Myths and the End of the Bronze Age in the Eastern Mediterranean. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 93 p.

Kossinna G. Die verzierten Eisenlanzenspitzen als Kennzeichen der Ostgermanen // *Zeitschrift für Ethnologie*. 1905. Vol. XXXVII. Pp. 596–599.

Kristiansen K. Prehistoric migrations — the case of the Single Grave and Corded Ware cultures // *Journal of Danish Archaeology*. 1991. Vol. 8. Pp. 211–225.

Mellaart J. *The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia*. Beirut: Khayats, 1966. 212 p.

Neustupny E. Mobilität der Äneolithischen Populationen // *Slovenska archeologia*. 1981. Vol. XXIX(1). Pp. 111–119.

Neustupny E. Prehistoric migrations by infiltration // *Archeologické Rozhledy*. 1982. № 34. Pp. 278–293.

Palmer L. R. *Mycenaeans and Minoans*. London: Faber and Faber, 1961. 396 p.

Renfrew C., Boyle K. *Archaeogenetics: DNA and the Population Prehistory of Europe*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2000. 310 p.

Rouse I. B. *Migrations in prehistory. Inferring population movement from cultural remains*. New Haven and London: Yale University Press, 1986. 197 p.

Wheeler M. Archaeology and the transmission of ideas // *Antiquity*. 1952. Vol. XXVI. Pp. 180–192.

Wilfred J. J., Smith G. E. *The migrations of early culture*. Manchester: Manchester university press, 1929. 164 p.

Willey G. A pattern of diffusion — acculturation // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1953. Vol. IX. Pp. 369–384.

Zapatero R. G. Modelos teóricos de invasiones migraciones en arqueología prehistórica // *Tutormació Arqueologica*. 1983. № 41. Pp. 147–157.

Zvelebil M. *The Social Contexts of the Agricultural Transition in Europe* // *Archaeogenetics: DNA and the Population Prehistory of Europe*. Cambridge: McDonald Institute, 2000. Pp. 57–80.

REFERENCES

Alekseyev V. P. *Historical Anthropology and Ethnogenesis*. Moscow: Nauka, 1989. 448 p. (*In Russ.*)

Artamonov M. I. Questions of the History of the Scythians in Soviet Science *Herald of Ancient History*. 1947;3:68–82. (*In Russ.*)

Bromley Yu. V. *Ethnos and Ethnography*. Moscow: Nauka, 1973. 284 p. (*In Russ.*)

Bryusov A. Ya., Zimina M. P. Stone Drilled Battle Axes on the Territory of the European Part of the USSR. Moscow: Nauka, 1966. 98 p. (Collection of Archaeological Sources. Archaeology of the USSR. Iss. B4–4). (*In Russ.*)

Gening V. F. *Ethnic Process in Primitive Times*. Sverdlovsk: Izd-vo Sverdlovskogo un-ta, 1970. Pp. 103–105. (*In Russ.*)

Durakov I. A. Bronze Casting Production of the Population of the Ob-Irtysch Forest-Steppe in the Bronze Age — the Transitional Time from the Bronze to Iron: abstract dis. ... doctor of Historical Sciences. Novosibirsk, 2024. 32 p. (*In Russ.*)

Ivanov V. A. Dynamics of Migrations in the Ural-Volga Region in the Middle Ages and Their Results. *Ufimskij arheologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. 2022;22(2): 299–309. (*In Russ.*)

Kleyn L. S. Archaeological Signs of Migrations. In: IX International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences (Chicago). Reports of the Soviet Delegation. Moscow: Nauka, 1973. 14 p. (*In Russ.*)

Kleyn L. S. Migration: Archaeological Signs. *Stratum plus*. 1999;1:52–71. (*In Russ.*)

Korochkova O. N. Interaction of Cultures in the Bronze Age in the Middle Urals and Subtaiga Tobol-Irtysh Region: Factors, Mechanisms, Dynamics: abstract dis. ... doctor of Historical Sciences. Moscow, 2011. 38 p. (*In Russ.*)

Koryakova L. N., Molodin V. I. Cultural Variability: an Old Problem in a New Time. In: III Northern Archaeological Congress. Khanty-Mansiysk; Yekaterinburg: ID “IzdatNaukaServis”, 2010. Pp. 110–141. (*In Russ.*)

Kosarev M. F. Ancient History of Western Siberia: Man and the Natural Environment. Moscow: Nauka, 1991. 301 p. (*In Russ.*)

Matveyeva N. P., D’yoni G., Zelenkov A. S. Problems of Studying the Origin of the Magyars (based on Ural-Siberian materials of the early Middle Ages). *Rossiyskaya arheologiya = Russian archeology*. 2021;2:147–166. (*In Russ.*)

Matveyeva N. P., Zelenkov A. S., Tretyakov Ye. A. The Role of Migrations in the Cultural Genesis of the Medieval Population of the Forest-Steppe and Subtaiga Zone of Western Siberia. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Perm University. History*. 2024;1(64): 39–58. (*In Russ.*)

Matyushin G. N. Archaeological Dictionary. Moscow: Prosveshchenie, 1996. 304 p. (*In Russ.*)

Merpert N. Ya. Migrations in the Neolithic and Eneolithic Eras. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1978;3:9–29. (*In Russ.*)

Mogil’nikov V. A. Some Features of the Genesis of the Forest-Steppe Cultures of Western Siberia in the Early Iron Age. In: Questions of Ural Archaeology. Iss. 15. Sverdlovsk: Ural’skij gosudarstvennyj universitet, 1981. 156 p. (*In Russ.*)

Molodin V. I. Migrations and Their Manifestations in the Bronze Age in the South of the Central Part of the West Siberian Plain. Main Models. In: Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2019. Pp. 27–35. (*In Russ.*)

Myl’nikova L. N. Ceramics as an Indicator of Migration Processes. In: Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2019. Pp. 128–140. (*In Russ.*)

Salnikov K. V. Andronovo Settlements of the Trans-Urals. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1954;19:213–252. (*In Russ.*)

Titov B. C. On the Study of Migrations of the Bronze Age. In: Archaeology of the Old and New Worlds. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 89–146. (*In Russ.*)

Tikhomirov K. N. Migration Processes in the Territory of Western Siberia (Bronze Age — Middle Ages): abstract of the dissertation ... Cand. Hist. Sciences. Barnaul, 2002. 21 p. (*In Russ.*)

Tishkin A. A. Features of the Study of Migrations in Archaeology. In: From the Bronze Age to the Digital Age: The Phenomenon of Migration in Time. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2018. Pp. 296–207. (*In Russ.*)

Formozov A. A. Can Stone Age Tools Serve as an Ethnic Indicator? *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1957;27:66–74. (In Russ.)

Foss M. E. The Earliest History of the North of the European Part of the USSR. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1952. 280 p. (Materials and Research on the Archaeology of the USSR. No. 29) (In Russ.)

Adams W. Y., Van Gerven D., Levy R. S. The Retreat from Migrationism. *Annual Review of Anthropology*. 1978;7:483–532.

Clark G. Migration as an Explanatory Concept in Paleolithic Archaeology. *Journal of Archaeological Method and Theory*. 1994;1(4):305–343.

Clarke D. L. Analytical Archaeology. London: Methuen, 1968. 704 p.

Cook R. M. Archaeological Argument: Some Principle. *Antiquity*. 1960; XXXIV:81–84.

Cooke C. K. Evidence of Human Migration from the Rock art of Southern Rhodesia. *Africa*. 1965;35(3):263–285.

Dehn W. Einige Überlegungen zum Charakter keltischer Wanderungen. In: IX Congress International des sciences prehistoriques et protohistoriques. Paris: Société d'anthropologie de Paris, 1979. Pp. 15–20. (In Germ.)

Dommelen P. Colonialism and Migration in the Ancient Mediterranean. *Annual Review of Anthropology*. 2012;41:393–409.

Eggers H. J. Einführung in die Vorgeschichte. München: R. Piper u. Co., 1959. 318 p.

Gamble C. People on the Move: Interpretations of Regional Variation. In: Cultural Transformations and Interactions in Eastern Europe. Avebury: Ashgate Publ, 1993. Pp. 37–55.

Hachmann R. Die Goten und Skandinavien. Berlin: De Gruyter, 1970. 579 p.

Härke H. Archaeologists and Migrations (A Problem of Attitude?). *Current Anthropology*. 1998;39(1):19–45.

Jackson J. W. Shells as Evidence of the Migrations of Early Culture. Manchester: Manchester University Press, 1917. 258 p.

Kehoe A. B. Ceramic Affiliation in the Northwestern Plains. *American Antiquity*. 1959;25(2):237–246.

Knapp A. B. Migration Myths and the End of the Bronze Age in the Eastern Mediterranean. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 93 p.

Kossinna G. Die verzierten Eisenlanzenspitzen als Kennzeichen der Ostgermanen. *Zeitschrift für Ethnologie*. 1905; XXXVII:596–599. (In Germ.)

Kristiansen K. Prehistoric Migrations — the Case of the Single Grave and Corded Ware Cultures. *Journal of Danish Archaeology*. 1991;8:211–225.

Mellaart J. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Beirut: Khayats, 1966. 212 p.

Neustupny E. Mobilität der Äneolithischen Populationen. *Slovenska archeologia*. 1981; XXIX(1):111–119. (In Germ.)

Neustupny E. Prehistoric Migrations by Infiltration. *Archeologické Rozhledy*. 1982;34:278–293.

Palmer L. R. Mycenaean and Minoans. London: Faber and Faber, 1961. 396 p.

Renfrew C., Boyle K. Archaeogenetics: DNA and the Population Prehistory of Europe. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2000. 310 p.

Rouse I. B. Migrations in Prehistory. Inferring Population Movement from Cultural Remains. New Haven and London: Yale University Press, 1986. 197 p.

Wheeler M. Archaeology and the Transmission of Ideas. *Antiquity*. 1952; XXVI:180–192.

Wilfred J. J., Smith G. E. The Migrations of Early Culture. Manchester: Manchester university press, 1929. 164 p.

Willey G. A Pattern of Diffusion — Acculturation. *Southwestern Journal of Anthropology*. 1953; IX:369–384.

Zapatero R. G. Modelos teóricos de invasiones migraciones en arqueología prehistórica. *Tutormació Arqueologica*. 1983;419:147–157.

Zvelebil M. The Social Contexts of the Agricultural Transition in Europe. In: Archaeogenetics: DNA and the Population Prehistory of Europe. Cambridge: McDonald Institute, 2000. Pp. 57–80.

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Мыльникова Л. Н.: разработка концепции исследования, анализ материала, формулирование выводов, подготовка итоговой версии статьи.

L. N. Mylnikova: concept of conceptual research, analysis of material, formulation of conclusions, preparation of the final version of the article.

Латышев И. Н.: отбор и анализ материала, обобщение результатов, подготовка иллюстраций, подготовка первой версии статьи.

I. N. Latyshev: selection and analysis of material, generalization of results, preparation of illustrations, preparation of the first version of the article.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мыльникова Людмила Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Lyudmila N. Mylnikova, Doctor of Sciences (Historical), Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

Латышев Иван Николаевич, магистрант кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия.

Ivan N. Latyshev, Master's student of the Department of Archeology and Ethnography of the Humanitarian Institute, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 12.07.2025;

одобрена после рецензирования 08.09.2025;

принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 12.07.2025;

approved after reviewing 08.09.2025;

accepted for publication 18.09.2025.